

Нина Косман

ПЕРЕБОИ

Стихотворения

Нина Косман

ПЕРЕВОИ

•

Стихотворения

Москва

«Художественная литература»

1990

Нина Косман родилась в Москве в 1959 г. Ее стихи публиковались в «Новом Журнале» (Нью-Йорк) и в альманахе «Встречи» (Пенсильвания). Летом 1989 г. вышла книга ее стихотворных переводов Марины Цветаевой на английский язык. Ее картины (маслом) экспонировались в Нью-Йорке. В настоящее время она преподает русский язык в Питтсбургском университете.

Не рассыпаться, — а сыпаться смело.
Чуть-чуть понарошку, чуть-чуть неумело.
Чуть-чуть с подфиалочной влажной ленцой.
Чуть-чуть очумело — на сердце, в лицо.
Чуть-чуть под гитару, чуть-чуть полусном
В хвостатые будни продлиться зевком.
Чуть-чуть — на загвоздку,
Чуть-чуть — на ответ
Ветрено-хлесткий,
Которого — нет.
Просыпаться чутко,
Проснуться чуть-чуть
И снова — в мохнатую залежь нырнуть.

Осыпался вечер хандрою плакучей.
В вечном пари с мирозданьем «Кто лучше?»
Гонится память за мною. А я —
В ламповом круте чужды бытия.
В мотовском крике мартовской кошки
Ночи тасую; блажу понемножку.
В майском предплечии лета судьбы
Прячусь под мышку своей дремоты.
Год неспроста так тасует сезоны:
Не надыхаться лазейкой в озоне.
Все дорожают на счастье жетоны:
Медные темы моей нищеты.

И каждый миг —
Размером в стих,
Многоголосен и лекарственен.
Мигни — и стих
За мигом — мир.
А не мигай — он станет ласковым.
Но тут как тут —
Наш страх, боязнь
Проснуться тут,
А там завязть.
И возвращаемся, дробя
И миг и ласку — на себя.

Встречать ли рассвет в бессонной
и светлой и сильной столице?
Иль небо светлеет, только когда мы заснем?
Город процессом светления слишком гордится
И сеет свет скупо, как сеется рожь в чернозем.

Как сеется рожь в чернозем, так в плоть
облекается слово.
Так медленно мятою розой вдруг набухает сон.
Так ненароком и все ж обязательно кто-то
находит подкову,
Так тень одноногого нищего пустит по миру
звон.

Вставай же, столица! — как щеки твои
косолапы,
Ты мне простишь комплимент, но затылок твой
залит свинцом.
Видно, пока ты цедила рассвет и, медля, тушила
лампы,
Кто-то властный сам сделал выбор — ты или сон;
сон.

Проплывает зрачком и гаснет.
Головой проплывают дни.
Голубой хвост у дня и ясный,
Взмахнет — вот и ты взмахни.
Взмахнет, проплывет и глянет
Через плечо на тебя — и прсчь.
Сумерки тянут, тянут
За плавник свою маму-ночь.

Ну, а ты? Что же ты не ясный
И не синий, не черный? Зря.
Вот гляди: хоть и сутки властны,
А — слезинки календаря.

Словно — в лет дугу
Я вошла опять.
Мир опять «могу»
Прошептал; я сласть
Нашепчу в щепотке;
Обопьюсь. И — нем,
Мир заржет в щекотке
От моей можбы,
От своей сноровки.

Как упрямо центр
Не ползет к краям,
Так я, прямо-ветр,
Приветрюсь к ряям.
И в раю зароюсь
Я в мушистый год,
И — замшелой сластью
Муху скроет грот
Сот.

Дай разлиться слову
Охрой золотой.
Охра станет охом,
Ахом и мечтой.

Дай мечте развиться
Высотой в сон,
Шириную в лица
Плачущих в газон.

Дай метели глаза
Ярких кутежей,
Африканских сказок,
Буйволов-зверей.

И, как кобра, слово
Гибко: кто — кого.
И тебя ужалит
Насмерть самого.

По кровле покатится загнанный ком
Дождя и желанья и званья — о ком?
А ниже, из крохотных робких оконц,
Говор усталых и плачущих солнц.
Солнечком узким освещена,
Пригорюнилась память, в миру одна.
Покинули память
И в дождь и в снег
Отправились чаять
Живых утех.

Память сидит. Мне в ней памятны веки,
Закрытые в ночь, как желанья калеки.

БЕССОННИЦА

Та же древность, напевая;
Тот же обморок ночной.
Пытка первая, вторая.
Сон измерен кутерьмой
Всех дневных попыток.
Пресыщенья ровный строй:
Пот — вот мой напиток.

Напилась я им сполна.
Пот — вот весь источник зла.

Как потопом, жизнь топил
Опытом, потоком сил.

Слабость, нежность — вот удел
Тех, чей день во сне вспотел.

В мрази — бабочкино крыло,
Ломаное и вогнутое,
Как паутиной весь мир свело,
Как бабочка — сердце тронутое —
С опаленной пыльцой крылами;
Взмахнуло — и тела длани
Выпустили на азот,
На аз и на буки жизни,
На ассовый перебор
Всего, что вверху встречается,
Как усики — утончается,
Как лапки мои — ломается,
Как по небу шарит шор-
ох.

Скок! — под фонарь, затаивши рыданье,
Ночь разблистала свое мирозданье.
Фонарная длинь расширяется кругом.
Кругами сестренки бегут за недугом.
Одна — это шах фонарей фонарю.
Другая — догонит сестру наяву,
Если фонарь выжжет душу себе,
Если весь город отдастся судьбе,
Если фиалковой влажной лентой
Мир прополощет ночное лицо.
Все ж не догнать февралю февраля.
Ночь в оборот — и погоня зазря.
Сестренка поймает сестру за косицу;
Но утро настанет, рыдая столицей.
Два синеньких гнома бегут друг за другом.
Фонарь разливается седеньким кругом.
Кажется, кожица тухнет на сестрах.
Кажется, множатся в глазищах монстры.
Фонарь опадает движеньями века.
Ты за мной гонишься слепеньким эхом.

Этот город, судьбой продырявленный вмиг,
Эти клены, и вязы, и зданья,
Этот вязкий, душою душистой поник,
Клейкой душой свиданья.

И важно ль? — не будет свиданья вовек!
И важно ль? — не вязы — язвы!
Нынче душа совершает набег
И рвет и колышет вязи
Паутинные прошлых лет
И сказы свои, рассказы,
Что сама себе на ушкó, бывало,
Что сама себе гороскоп вязала,
Сама на себе и петлю зажала,
Вдохнула, —
А сказа нет.

Полдневною талою дремою сыт,
Ветер падает зря о дома, о гранит.
Город бьется веками, как бьется душа,
Полдневною дрему отбить поспеша.
И бьется о студни покорных листов
Слизь фонарейных раскрашенных стоп.
Так бьется спонтанно, и жалостью в дом
Привносит весь кокон полуденных дрем.

От дрем отбиваться — ни сил, ни охоты.
Но в них погрузиться — о, мира заботы! —
Их расплескать, будто ком мошкары,
В них не увязть, как увязли цветы
В земле, такой рьяной к их прорастанью,
В сугробах, столь свыкшихся с вклипом
и таяньем.

Но прорастанье полуденных дрем
Грозит разразиться вечерним огнем.
Пусть дождь их потушит
В шепоте капель.
Неправедны души:
Им лишь бы лукавить.

Обращающий душу поймет впопыхах,
Что искал он совсем другого.
В ржавом налете на чутких листах
Привкус иссиза-вдовий.

Подернутый тучей жизни,
Город стыдился глаз,
Живущих им, как стриптизом
Живет, побираясь, джаз.
Пробираясь тропинкой вдовьей,
Город души свои ронял:
Подбирайте — о, на здоровье! —
Кормитесь бурдой начал
Утр с фонарейным свистом
С трауром вперемеж —
Живите под дождь быстро:
Ведь мне умирать надоест.

В ламповом перекруте
Город вновь оживет, устав
Души свои упругие
Плакать на трень-трав.

Вот туда, вот туда, вниз, под гроздь фонарей,
Здесь беснуются годы с разлукой.
С домов сняты крыши, и нету дверей —
Безымянная голая мука.
Здесь клен облетает песчинками дня
И воздух ночной тягуч.
Здесь множество слов, которые, для,
Ветер мог бы обвить вокруг туч.
Здесь нету прохожих, здесь каждый свой брат,
Сам шепчет в себя свою тайну.
И каждый — сестра себе,
Каждый богат
Женскою зрелой данью.

Но ветер померк. И тучи — сыты.
И в фонаре — жужжанье.
В белой фонарной области — ты.
Ты, и я, и молчанье.

Край захлебывающихся шпал и зданий:
Дышащей громом божбою туч,
Темною тайною их свиданья,
Силой страданья — по судьбам круч
Утр и утрат: их всегдашней смене.
Глянь, стынет в чуть озаренной мгле
Нарисованный кем-то вчерне
Город; стелется по земле
Снег полуночной сырой щекоткой —
По искромсанным нервам дней,
Бледней и невзрачней кроткой .
Зимы, дыханьем земли мертвей;
И что ей до города, что — до зданий,
Что до вчерашних — под дождь — судеб,
Ей, непрерывным ночным метаньем
Лиц и событий, словно в погреб — хлеб.

Был в лице твоём — лошадиный
всхрип,
Был в мертвых руках — порок,
И в ветре, задувшем тебя, был изгиб,
Тот, который ты не превозмог.

ЖАР

Даль обещала тайну.
Тайна рассыпалась на
Море, залив и пальму,
На тропики полусна.
Даль измеряют жаром,
Миниатюрой — сон.
Заповедью многопалой
В охапку сгребает гром
Невыветрившейся заразы
Легких дыханьем глаз,
Тебя захвативших разом
В хриплый последний раз.

Суживается перспектива:
Одеяло, будильник-вор.
Подсовывают мне чтиво.
Рецепты и капли. Вздор!
Тропической метастазой
Ощупывает судьба.
Пусть многопалым глазом
Сворует меня орда
Всех чувств, что ты мне недóдал,
В тропиках растворясь,
Стекаая тропинкой пота,
Желаньем, застывшим в фас.

Грозой наполняться душевным оврагам
И выть, разражаясь ста-вихрями слёз.
Стихию почестъ стихом зодиака,
Где столько же нот, сколько — на тебе — звезд.

Узколищее облако
С прищуром лентя
Лежало так долго
На небе линиялом.
Из мятого рта
Приспуская слюной,
Глянь, бледнота,
В колодец земной.

Кишат, как улики отзревшего счастья,
Улитки и шпильки и робкие здрастье
И детские обручи. Иссох водоем.
И жизнь была б очень — когда бы вдвоем.

Но тактика романтики
Завязывает бантики.
Патетика эклектики
Все бантики — в букетики.

Колодец земной
С небесной слюной

Смешался.
И вой
Ста гроз, как сто пальцев,
Стучится в стекло,
Обветшавшее за день слезящихся дрем.
— Это кто? Все мертво! —

Это ливень живьем.

Гольтьбою весны зараженная,
Я еще не осмелилась петь.
Время плыло, как время оное.
И была телефонная смерть.
И была скачка листьев апрельная,
Круговерчье несметных ветров,
И еще было чувство запертое,
И на снах был тот зимний шов —
Что не даст, не выдаст — на волю,
В гольтьбу резких капель дождя,
На волю, в глубоководье,
В голубые капли мая.

— Застывшей будь глыбой зимней,
Слушай издали ропот и вой
Просыпающейся голубизны,
Раздираемой глоткой хвой.
Слушай, слушай, но будь немою,
Будь символом тех смертей,
Из которых весной весною
Дышит, дышит апрель, апрель.

Если б я с вами веками равнялась —
Была бы я ворохом льдин,
И ливнем, проснувшись,
На вас просыпаясь,
Я б сыпалась долго —
Пока бы вас в стынь,
В синеющий стык
Туго-душных ветров
Не ткнула бы, череп тягучий дробя,
И — синью своею восславясь,
Пока бы не взвизгнула суть жития:
Я стану, умаясь,
Всем тем, что от веку мне было нельзя.

Несущественная разница
Душ и тел
Существом колядится,
Рядом дел.

...Рядом — несусветица
Душ и туш.
Душность — дело месяца,
Дюжность — душ.

Осуществим конец ли
Душных тел?
Жаром в теле
Тронутым врал да зрел.

«Брать тела овьючены.
Души — мнут.
Врать — тела обучены...»

Души — ждут.

Лишь веками моими
Хочет мир закрыться.
Лишь ноздрями — чьими? —
В черноземе рыться,
Дух его вдыхать,
Землю смаковать.
Тайною вплескаться
В губы рек и дней
Лишь о святотатстве
Молящих людей.

С губ раскрытых, ждущих,
Молящих — «ножом!» —
Тайной губ горюющих
Спрянуть —

Нипочем.

Я в миру умоюсь
И пером пройдуь
По тропе — как тростью
Ударяя в грусть.
Одаряя жилы
Чернильной тьмой,
Мастой умоюсь,
Моровой тоской.
Натаскаю перья —
Тоску поджечь,
На словах-качелях
Избегая смерть.

Ибо смерть-чернила
У меня в крови.
Коли кровью мира
Опился — не мри.

НАГОВОР

«Силушки — силы! Перебори.
Начерно сделано — мне и верни».
Ветка сухая
Со мной говорила,
Лая — не лая:
Наговор Вяя.
Ветка сухая
Качалась в ночи.
Ветхо венчанье
Кончалось. Молчи:
Что ни увидишь —
Мне возвращай.
Ночь расколышешь —
Ветр, невзначай,
Ох и устроит схватку вселенной
Там, где венчалась
Ты сокровенно.
Вены — из крови
Разрой —
На отбой.
Ветка сухая
Нашепчет покой.
«Нечего! Не о чем!»

Сумрак больной.

НИТЬ

Нитью так тонко
Вяжет судьба.
Тонко и звонко,
Тихо и тьма.

Томно и жутко,
Чудно и — в дрожь.
Чистая удаль,
Чинная мощь.

Чинно и тонко,
Часто и — всласть.
Луч и — решетка,
Луч, чтоб не пасть.

Луч что ущелье —
Можешь? Взберись!
Луч-наважденье,
Луч — чтобы вниз.

Светлою ниткой,
Ниткой-лучом,
Чинною пыткой, —
Даром? Почем?

Тонкою ниткой,
Ниткой-восторг,
Ниткою-счастье,
Ниткою-срок

Быстро и тонко
Колет игла,
В самое сердце —
Нежная мгла.

Только осталось
Слов полотно.
Чинная радость,
Чудное зло.

Я прошу бытия у Творца —
Но с размаху, ломаной линией
Падаю в мир тельца,
Злого алчбой и сильного
Крови забытым сном:
На языческий пир мгновений
Совращает надежд фантом,
Раздумий залетный гений,
Мудрый пазухой мятых рифм
И эстетизма позою.

— Да не все ли равно, у кого гостим?
Не всё ль Его метаморфозы?

Исподом кож —
В инертность душ
И в непробужденности бездну.
Того и ждешь,
Что, флегмой дюж,
Мир плоти, силой догмы честной,
Возьмет таранить помпой блажь
Слов неожиданно-неловких
И рифм несложною цепочкой
И ласковым исподом кож
Заменит снов тлетворных бездну.
Того и ждешь.

КАНАТ

Как по канату шел один, когда-то...
Так я иду по своему канату.
Пусть это называется безлюдье.
И пусть канат ведет не в телестудью,
А в некую дыру,
Где жабры всех веков перемешались, дышат
смежно,

Свою икру
Меча умело, безмятежно
В тот центр земли, где все равно,
Какой настанет век, какая будет плата
За то, что шла по своему канату
Одна...
Как шел один, когда-то...
За то, что свила я канат сама
Из лоскутков, затерянных веками.
Ведь все равно не пустят задарма
В тот центр земли, где сумерки кивками,
Гудками и полузевками
Покажут запросто на дверь.
«Попросим-ка обратно...»
И, верь — не верь,
Обратно я, седа, хрома, горбата,
Пойду по своему канату.

НАПУТСТВИЕ

В буднях пускай горит,
В часиках сна — таится
Меня и тебя гибрид,
Жизнь в бесконечных лицах
Имеет права на все
Поразительных снов ненастья.
Так буду же я — тебе —
Буднем орлиной масти.
Дам силу орлиных век,
Чтоб в утре ты весь пропасть мог.
Вкловываться в молчанье
Проспавших свой час — рек;
Орлом за скользящей ланью,
Утренней хваткой ранью —
Крылами разрой свет.

ОТРЫВОК

...Очнувшись от сна средь усатости тел,
Прильнувши ко сну, ты в усталости млея;
А тайна мела между тем по вагону,
Свой вздор выметала. Вдруг стало просторно.
В подземку вскочив, она вышла с тобой;
Пошла в направлении к фонтану.
Город шумно дышал свой вседневный отбой,
Пока тайночка глазки купала в нирване.
Ты проходил, не заметив судьбы.
Ты нежно курил на ходу.
И женщины скукой в глазах в полверсты
Никогда не восполнят ту.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Я — это твои веки.
Это — желаний желчь.
Я — это реки, веки
Твоих бесполезных плеч.

Я — это сгусток ночи.
Я — это твой призыв.
Я... не хватает мочи
Выстукать этот стих.

Я — это желтый сумрак,
В котором ты, погружась,
Не заметишь, что «не умру я»,
В изумлении изумрудном
К мреющей жизни жась.

Не склонялся, не рос
Он в зрачках заповедным букетом.

Но по хватке, по зрелости слез
Подавал он мне знаки, что где-то,

Где-то, куда-то... но не уточнял.
Закат за закатом мне счастья менял

Негасимую краску.
Он не был ни ласков,

Ни строг, ни далек.
Он просто меня от вершин уберег.

На сорок миль, на сорок лет вперед загаданный,
Я мчусь, я слышу, я приду
В твой мир без форточек, без просьб,
без ладана,
В столь потрясающую тьму,
В столь неподъемную; и — потому
Еще приду, что ты не будешь там.
И — жизнь всю подниму, и — как стакан
В себя вглотну вина.
И в том твоя вина.
Ты не был там, на сорок лет вперед загаданный.
И я виню. И жизнь — отрада мне.

СЫСКНОЙ РОМАН

В смуглый последний раз
Белый зажегся глаз.
Стух. И теперь полиция
Рощу рядит убийцею.

Там полыхало зарево.
Здесь проплескал ручей.
Топографию души заново
Отстраивают, но — чьей?

...В смуглый последний раз,
В профиль или анфас,
Под солнцем, нет — под луной
Неверующей, земной, —
Выдь! ...Но опять — не мой.

Зарево и ручей
Отстроены. И дневной
Пришел ты. Тебя — взашей.
Так живется душе ничьей.

Вести уют и почитать блаженством,
Когда к тебе придут за этим, женским.
И в жизнь, как в тряпочку, молчать,
За исключеньем сна и ссор — скучать.

За исключеньем сна наполненности тайной,
За ключевым: за тем, что слишком ранней
Наполнило душой и — пустотою в ней
Прегордой быть, — как знаком женских дней,
Разостланных, как плат, под мужьи ночи.
О, не суметь, не захотеть, не смочь! — И:
Уйди, уют. И долей донной женской
Не слишком искушай — блаженством.

ОРЕХ

В одну из этих ссор,
В одну из синевой зияющих прорех —
Полжизни, пол
Сулейшей мечты,
И — вниз, и — вниз,
Как катится орех.
Потом — расщелкивать кружочки,
Плоды несыгранных с тобою встреч.

В полу — орехи, но в уме есть точки,
Где той орешьей жизни цепко цвезть.

Что же ты хочешь, чтоб как лилась
Песня земной тщеты?
Вечно раскладываешь свой пасьянс,
И на каждой-то карте: ты.
Ты и зеркальный отобраз твой
Валетом, король червей.
Все дамы твои — это ты, король;
И дамы нету черствей,
Чем та, что, обиды глотнув по лоб,
Живая, вновь картой стала.
Вливай же надуманный свой озноб,
Венценосною пеною злоб
— Тебя не достоин весь твой народ! —
Жизнь попирающий сноб.
Твой королевский суд
Ни побряжек не даст, ни ссуд.
О, гляди, — на руках несут
Выводов твоих стражи.
Выводок твоих страхов.

Ты ждал ее,
Коснея, удивляясь, косноязыча и любя.
Она же — счастьем предавалась,
Создание календаря.
И целый мир пошел на свалку,
Мир идолов, спросонков, полуслов.
И гордую, как облако, осанку
Рвала она, как допинги основ
Лишь календарных.
Возрастных то есть.

Ты ей простил.
«Ну, с кем, мол, не бывает...»
И, календарный год начав с нуля,
Она уж ждет, и взор ее туманит
Лист нового календаря.

СЛЕЗА

Качели сморгнувших ресниц:
То вверх — к удивленности лиц,
То падают ниц.

Вся рамка лица — это ноль.
Зазрачковый мой рай, укрой
В рамке лица — глаз-боль.

Изъятый из глаз звук:
Так тянется мал молчок.
Застревает на воле щек.
Но — вниз. Был бы риск. — Сглоток.

НАРОДНОЕ

1

Коли нрав здоров, значит, болен глаз,
Значит, болен глаз — видит вкривь, а раз
Он в грязи — алмаз,
Ох, усмотрит раз.

Коли ты не спишь, значит, я не сплю.
Думу думаю ночью темною.
Ночкой темною,
Ох, дите мое.

Коли умер ты — я затворицей,
Я затворицей, чтобы вёр — не цап!
А алмаз тот — ты
У моей груди.

НАРОДНОЕ

2

Чтоб мне по утру да по жемчужине
Да дарил-то мне мой ясно-суженый,
Да чтоб поцелуев рой — да вдосталь нам,
Дом нам чтоб из пряников, из досок — вам,

Одурманила я молодца сирой водой,
Ой, сирой водой, что не плещется.
Чтобы от меня он — ни-ни-ни! к другой!
Одурманила я молодца сирой водой.

А от ней головка милаго вешатся.
Поцелует он меня — не расщедрится.
Раз лишь поцелует и унежится,
И в головке у него чтой-то плещется.

Ой ты, милый, милуй милую!
Бился, плакал милый, ныла я.
Тух, тух жемчуг — воду выпила,
Сиро жизнь течет, ох, жизнь унылая.

ПЕСЕНКА

1

Мир что яблочко
На тарелочке —
Кругл да гладок.
И, вся в раночках,
Словно в меточках,
Она рада:

«Мир круглехонек!»
И вдруг охает.

«Вот катну!» —
Говорит.
И — ко дну,
На гранит.

«Кушать, да сладенько».
А сердечко не сладило.

Ай да яблочко,
Жаль, что жесткое.
На тарелочке
На известковой.

ПЕСЕНКА

2

Речью бреда, чудом права
И, как боль глуха,
Дай, красавица, отравы
Нищим чудакам.

Все угрозы чернокнижья
Вращены на страх
Абсолютно в мире лишним
Нищим чудакам.

Страсти потных коченеют!
А у нас — легка
На советы, пред рассветом,
Нищим чудакам.

А как путь-то с колокольни —
В душеисступленья хлам!
Позавидуешь невольно
Нищим чудакам.

Когда я — с ума,
То ты не поймешь
И удивишься, не зная:
То блажь, или ложь,
Или — леньность сама,
Что льнет к ненарочному раю.

Когда я — уйду,
То, не зная — куда,
Ты кинешься жизни в обход,
Где растет «никогда» под травой
«лебедя»
В стране «улюлю»,
Где блажное — живет.

В белом мраке — белый глаз,
Недовысказанное лицо.
Жизнь без плоти обнялась
С улыбкой своей кольцом.
С щекою без нервного тика,
С голосом, гулким вдаль.
Жизнь маленькая, жизнь тихая,
Хорошо ли тебе? Отдай
Всем просящим шума — умностей
Ненужный тебе разбег.
Жизнь-коротышка, вкусно ли
Улыбки вкушать снег?

ПУСТЯК

Вечная будет меж нами стоять
Кто? — Да пустяк, без имени.
Вечно и мощно в поклонах вспять
Высасывать жизнь до гибели
Повелевает. Инеем
Крыть все нежности,
Края прикреплять к безбрежностям.
Как ее звать? — Небрежностью.
Кто же она? Причиною
Каких сверхзаумных гимнов
Сангвиннейший жар — ангиною
Повелевает стать?
Пустая еще холстина;
Какие нужны ей спины,
Какие глаза моделей,
Зрачкастые души чьи,
Чтоб красками стать успели,
Чтоб высветились, не запрели,
Пока их не смоят ручки —
Чьи?

УТРО

Кареглазым походным счастьцем,
Соблюдающим снов пределы,
Утро шелканьем птичьим ластится,
Будто за полночь не успело

Надышаться шальной привязанностью,
Очевидною жертвой губ.
То была не «ее» с «ним» слиянность и
Не разума — любви уступ,

А прошедшее мерящий гений
Мартовских дней и причуд —
Неразбавленным вдохновением
Не дописанный сном этюд.

Зрело зерно в груди, и
Приключенья бессонниц
Скапливались: «Отопри!»
...Капля — колодец.
И наводнение тем,
Сказок, сюжетов — делом
Хлынуло лишь затем,
Чтобы остаться — зрелым.

Зрело зерно в груди.
Зримо зерну в пути
Лишь то, что груди касалось.

В груди и осталось.

ВЫБОР

Меж осеннею накипью
И истекшей весной,
Вольной птицей — и ястребом
На холсте в мастерской,

Между тенью и формой
Тени в земле
Тенью повторною
Живущей вовне,

Между мерой и образом
Повторных миров
Оркестровкой наркоза —
В молитв часослов...

Выбирай, коль покою
Тебе не дает
Над твоей мастерскою
Голубой потолок.

СЛЕПАЯ СИЛА

Бессонность сердца
Слетела сине
В осины серость.
И стало — сирю.
Слепая сила.
Нарост лепила, слепила на́ рост.
Осталась —
Жалость.

Цикл «Солнце»

Погляди, они возвращаются,
Косолапою рысью, с гор.
Нет, не кони: ни лязга шпор,
Ни изогнутой луны во лбу.
Хотя звезды им в ноги катятся,
Как катились они их пращурю, золотому
солнцу.

О, выше, — вон! Выше! Держи! Ату!
Шепотанья снегов, испуганных гончими,
Разъезжающиеся прутья воздуха.

Это они: волки!

Это они, которых боится луна,
А теперь их догоняет тьма
И мой голос, хриплый и тонкий.
И сама хриплая богиня воздуха
Их прячет в свою утробу.

Погляди: о нет, не синий снег, — это
тьма:

Нежные руки расплетшая тьма,
Добрая.

Видишь ли, видишь ли языки древних, —
Как пламени красные лица,
Они вздымаются к небу
Погонею за сыном солнца —
Оно и в зрачке наяды
Плясало, как рыжий бог.

Видишь ли, видишь ли эти руки,
Как прутья иссохших эпох,
Они желают скрутиться
В колесо, что прочнее времени,
Нержавее дня колесо солнца.

Видишь, видишь: все искры — к небу,
И в каждой — по лику солнца,
Переплавясь в которое предки,
Их руки, как лепестки,
Как лепестки колеса солнца,
Предки падут на землю,
А на ней уже живем мы.

Видишь, как солнце прячет
ловко золотыми руками
память о смуглых предках —
в длинные языческие вазы;
тонкие руки солнца,
проворные желтые пальцы —
чтобы мы ничего не знали
о спокойных этрусских лицах,
о легком этрусском прахе
и о зеркале веков между нами
и смертью.

КОГДА...

1

Когда солнце льет луч на голову,
Оно хочет, чтобы с ним говорили умом.
Но, так как мы и живые и мертвые,
Как лягушонок наш ум, сон.

2

Когда на пирамиду взошел ветер,
То люди думали, что это бог.
Когда побежал по равнине,
Говорили — мальчик.

3

Даже когда машут олени мягкими сердцами,
Кажутся их рога гордыми.
А когда стоят на месте и созерцают,
То это дорога вверх.

4

Есть вкусные души у разных зверей,
И травы они едят хорошие.
Есть лестница к небу у одних длинней,
У других короче.

5

Некоторые приходят в мир сами:
Антилопы, острова, жены.
Крутят в воздухе красивыми глазами,
Потом тонут.

6

А чтобы стать своим отцом и матерью,
Надо заново себя рожать,
Пока не дорожаешься до смятого солнца,
Запутывавшегося в оленьих рогах
Мягкой улыбкой кроткого.

7

Собачьи следы глубже уходят в землю,
Чем человечесьи ноги.
Это — признак и знак сиротств.
Человечья смерть глубже уходит в землю,
Чем пес в неволю.
Причина — рост.

А когда заводит пляску день,
 Он бывает кровав и красен
 И кажется людям лучшим из богов.
 Но когда приходит синяя ночь,
 День тогда помнится неясно,
 И нужно снова увидеть его,
 Чтобы превозмочь этот синий бред,
 Превозмочь.

Это был солнечный час.
 Его будут знать и потомки.
 Кумиром и их вдохновителем
 Будет этот же солнечный час.
 Солнце,
 Моя часть тебя очень тонкая,
 Солнце,
 Но раздувает пламя во многих лицах.

Вероятно, не будет иного мира,
 Ибо слишком ярко страданье здесь.
 А так как мы только и машем
 Золотыми бабочками наших молений,
 Вероятно, не будет иного мира,
 Ибо так смугло и золото страданье здесь.

Чего б ни касалось кошь луны,
Все превращается в иней.
Даже герой, метающий диск
В самое солнце,
Покроется стеклом, хрупким и ломким,
Луны.

Из ранних тетрадей

А будет вечность или нет —
Не наших дум и рук забота.
Стремится к таянью рассвет,
Дух с ним растаять для чего-то

Стремится тоже. То ли бед,
Каких-то таяний немоты,
А то ли щебет, как фальцет
Какой-нибудь за-сферной оды,

Учую кровью. Ибо нет,
Пока мы тут, такой породы
Бессменных дум, без рук им вслед,
Где б дух звенел пронзительностью
НОТЫ.

МИГ

Миг парит, святой и недотрога,
Над бессвязной кутерьмою чувств.
Миг выводит бледного немого,
Блик немой выводит с бледных уст.

Как сказать, чтоб вся земля затихла,
Улыбнувшись, согласилась спать?
Так сказать, чтоб в мире стало тихо,
Хоть на миг чтоб чувство потерять.

Миг — не тот, что думают — мгновенный.
Миг, бывает, тянется века.
И вокруг той, что мы зовем Вселенной,
Миг течет; он — тихая река.

Когда душа пройдет последний оборот
И круг, где сон и краски явью светят,
Пройдет,
И мир, униженный богатством всех щедрот,
Пронзенный мыслью «Больше щедрости
не светит...»,
Поймет,
Что вот: последний круг.
Сюда взошла душа

Творить не вдруг,
Умело, не спеша.

Ибо нет конца. И она понимает:
На кого поглядит, тот бессмертным станет.

Счастье обманчиво-гибко,
Луна серебрее монет.
Дороже твоей улыбки
Мне лунный полночный свет.

Мой путь подозрительно долог.
В тротуаре блестит слюда.
Твоих чувств непонятных ворох
Мне новая дарит весна.

Не верю, не верю, не верю!
Признаю лишь то, что блестит.
Мне голос чужого апреля
Вороний подсказывал стих.

Привыкая к запахам былого,
К гулу памяти прислушиваюсь я.
Пусть поникнет, застыдится слова
Быт, занявший место бытия.

Так все чисто убрано, опрятно
В тех домах, где я рассеянно жила.
Набавляет время привкус мятный
Ко всему, что смятым я брала.

Вдалеке, мешая дым с закатом,
Не мешая прочим существам,
Быт сожгу и на лужайке рядом
Бытие из угольков создам.

В темной дали китайского дня,
Средь желтых мраморных лиц
Жизнь промелькнет моя
Под траурный стук колесниц.

Будут сниться китайские горы,
Реки желтые белых равнин,
И в осколки мельчайшие горя
Разобьется цветной балдахин.

Мертвых дум узкоглазый властитель
Оттолкнется веслом от песка.
Не горошковый яркий ситец —
Желтый шелк обожжет звезда.

О доблестях, о подвигах, о славе...

Блок

Твое лицо, запыленное временем,
Мне сказало слова неясные.
А земля раскрывалась веером
И судьбы сплетала бессвязно.

И нету ответов, и нету вопросов,
Лишь много скрещений незнающих глаз.
Как русские сани, узбекские косы,
Как весенние дали, весна не для нас.

И звуки сплетались в огнях поминальных,
И желтое с красным мерещилось мне.
И, белый от боли, от зная, от славы,
Ты много бы 'отдал крикливой весне.

ЛАМПА

Все прекрасно, все неясно,
Так судьбу свою воспой,
Чтобы в прихоти атласной
Нежить в клад ее и в зной.

Безотчетно нету верных,
Есть туманная строка,
Чья изменчивость в бессменной
Власти мира волшебства.

Маг-волшебник лампу крутит,
Под землю голос — слышь?
Это он из сотен судеб
Выбирает, как малыш.

Два человека знало
Тайну мира сего.
Из двух одного не стало.
Качнулось ли мира дно?

Один бедный остался с тайной.
На рынок пошел — не берут.
Торговец лукаво-печальный,
Про него говорили «плут».

Дети его не любили.
Взрослые шикали «прочь».
Казалось им, он бессилен.
А он просто хотел помочь.

(Полу)шуточные стихи

ДНЕСЬ

Не-ство и да-ство,
Местом обедство,
Дне-вство, утра-вство,
Управы предбред-ство.
Правы — уместны,
Левый — нелепство,
Плевое дело —
Помирное шефство.
Шествие мирных
Кумиров могильных —
Тех, что «могли бы»,
Не стали, и — вот
От них закружился, и — вспять —
Светосвод.

Слепое счастье жил,
С которым сжиться — жутко
Жаждется всем нам.
Слепые рубежи,
Слепые предрассудки, —
По ним — как жить жеманно-чутким
Желанным, нежным снам?

Чуть-чуть еще посплю.
Что, что? — Нет, не грущу.
Я сон подвешу грушею:
Стою, мир нем, и — слушаю.

Вот вам и кругло и продольно.
Сон мой — груша. Вы довольны?
Желто-нежно-кислая,
Как печаль обвислая,
В жилы попадет.
Грустно и внимательно,
Грушно-душноватенько —
Зрелым станет плод.

РОЗА

Запахом прошелестела,
Лепестки завились,
Розовым стало тело;
Растеньицем — на всю жизнь.

Ароматы во мне таятся —
Масла из них будут вам.

Шипы ж мои, дики, злятся.
Тяжесть риз своих не отдам.

Розы — риз всех густоустойней.
Устройте уста свои:
Лепестки мои слишком знойны
Для жадной слепой ноздри,
Слишком цело
Впитали небо,
Слишком с солнышком пообнялись,
Ах бы мне королевой —
Тычинкою — в чаши высь!

Есть повод, и есть ненастье.
Но выход в тоску запружен.
Что делать, как не кидаться
Тем, чем кидается слон!

А чем слон кидается? Словно,
Склоненный на лоно лет,
Прислоненный к себе, как томный,
Как сонный... — он стонет, отцвет.

О, как мне отстонется!
Сотней слоновьих одетых тонн!
Когда отстоится — топью
В болотную тишь и вонь.

Там будет качаться в тине
Слоновый ненастный груз.
И будет так тихо, тихо.
И будет, наверно, грусть.

САД

Будто в сад, гремя погоней,
Двести чертенят ворвалось.
И — а ну! как в маслбойне
Крутят, вертят — всё во здравость.
Их поймают и тем самым
Увеличат в тыщу раз
Преднамеренного гама
Разгоревшийся запас
Фальши — роскоши богатых.
Походженья — напоказ!
Криком, топотом, обхватом:
Плутократам пробил час!
И, а ну, гляди-ка в оба:
Через громленую блажь
Подозрений и подобий —
На измученный пейзаж.

Крутят, вертят, нету слада.
Что такое? Что кричат?
В доме — сумрак и прохлада.
Адом молний выжжен сад.

ЭПИГРАММА

Из-под его пера,
Поспешая во сласть, —
То — иероглиф чресел,
То — иероглиф страсть.
Он на пуантах чисел
Краткий ноктюрн «О, Жизнь!»
Так сыграл, что и мысли
От-
реклись.

Хошь, верь — хошь, не верь.
Душу живу добуду.
В век зверей — из дверей,
Из каких — позабуду,
Но — приду или выйду.
И пусть невтерпеж.
Душу рвану, немыту,
Из всей раны — дрожь
Как рвану!.. Да зарыто,
Забито все сплошь.
Ни глазка! Ни окошка!
Подглядеть,
Как души горошка
Скатилась в смерть.
Зарыто, забито
Все сплошь и сплошь.
«Добуду!» — забыто.
«Рвану!» — И что ж?
Стоит, немытая,

Рожа из рож.
Душа моя! Милая!
— Нож —
Хошь, верь, хошь — не хошь.

Приложение

Английские стихи

ROCK

1

Watch out for every face
not pinned down by pity
to a cold glazed rock in sleep.
Watch it squirm in a slow rapture,
as it spreads its wings over
sprawling, slowly waking prey:
the rays of so many nights, forming
a focused light formed of substance
heart's rays can accept,
while their long-shuddering patience
shoulders rock's sleep.

2

Go after every face,
touch it slow; slow embrace,
for the world has made touch whole —
here no kindness comes amiss,
here fate waves leaves
as caress, and substance
of a kiss cures.

**How these stones melt up to breath:
boulders' clinging water!
Touch cures faces of mishaped words:
watch its tendrils sway sound.**

3

**Look inside the face
traced with the world's moist stone
into the icon of every kindness
gentle bones and a hundred glories
could neither imitate nor efface;
see the white mingle with gold,
the gold with dusty tracings,
the foundation become weathered red,
and the stone remain, alone,
a salvaged monument to the faith
shared by men delighting
in stone's saraband to time.**

* * *

Stone words hard to wield,
smooth as the moon washed of night,
shape me into a weapon no one can see
except with the eyes of his bones.
Words tight as skin in a fleshless space,
worn thin in a cage of promise,
design fast the leap into air
no man can follow, see or stop
with the scared silk of the nightly kisses
or daily prayers in his expectant hand.

Lines shouldering pared words,
careful not to awake the sea
of pride in uniform sounds,
impatience brewing in them like wine
in tight-lidded kegs:
an army scattered in emptied ruins
beyond the sky's drifting sight,
versed in swift rising —
now or never. So words defy truce:
carved shafts aiming upward
grammarians can't grasp.

Naked leaves sifted nightly,
gathered, fondled, and stored
in long sheets of black fire
nailed firm to stars,
free of feelings' clatter,
freed most of all from the earth
whose fingertips touched fire, arms
steeped in the sickness of its craving:
earth's love is persistence; rust;
time spread over wide pastures; weeds
perpetuate the difficult love:
earth over leaf, thuds of jealousy,
black, over the shapeless earth.

Watch the bristling hills
hide in the unseen shape
of clouds' narrowing body
restrained by nothing save
the sky, night after night,
bent on self-preservation:
substance scattered in twisted air.
Watch the wrung clouds stagger
down to where sands drift,
seas hum, rocks huddle,
where, entangled in sterile crags,
air reclaims its pride.

Sycamore and oak
toss skinned branches:
leaves trimmed to size,
nerves cropped tight:
while snow lasts and sleeps
in earth's sunk flank,
lulls earth's wonderings
into the ancient calm
dimmed, blotched beyond
a possible muffled cry,
leaving with nothing but:
be still, sleep
in this chill; heal.

Pressed in her hand, pebbles
leap out of their clustered past,
scattering skyward the warmth
of her child-pink palm; swiftly
fall into the assigned pond —
to remember the air made visible
in the many wings of her eyes,
the rehearsal of flight made audible
in her ripening lips,
and the body of time underneath her skin
still, yet living.

* * *

1

This highly unstable love
would appreciate fruitful hearth,
fire stoked by a husband's hand,
dark cakes rising fat in the oven;
years of sameness on quiet hill,
amid empty lots and inelegant housing —
staunch cabin withstanding time
even while thoughts change like clouds.
Silence kept fresh in an ancient jar;
sky unbleached and a wife's vision fair,
while the wind brings young trees into motion.

2

Silence kept fresh in an ancient jar
uncorked on special occasions;
bowls of happiness; olives and kisses mixed
on same tablecloth, stained
with blood of worn marriages.
What weapon can a wife lift,
if the design of memory

**presses into her hand only lies?
Changing thoughts, unlike the sky's clouds,
sink into slow morass
of silence changing into flawed forms.**

* * *

Count line against poise
of unscarred days' stillness,
breeze soft and evasive
shaping dance of the sea
under hushed skies, bearing
no grudge against those
who, weary of sly weapons,
use words pronged as pikes —
agile lies scattering
men to shadow,
spirit — to further ridges.

Perched between Pities, —
kiss their hands
soiled with dogwood,
veined like a leaf.
Kiss faces of kinship
of the earth — and the heart
flowing sleep-swift,
to the shy, the sad ones
whose eyes no other eyes
seek; whose words
freeze in unheeding air.
Go to them; see:
neck-deep in pity,
your awed self, sealed.

The shape of comfort?
What else do these bones promise?
Lying in wait of some body's love,
stretching thin arms, twitching thin nose,
withholding kisses with a halting hum,

why, they are growing instant shadows!
They are developing twisty leaves!
Here, in the ground beyond this world,
they are dancing a rat dance,
they are twinkling a beat!

The shape of a whisper?
The flesh of a kitten's sweetness?
Here, in the ground beyond this world, —
breathing a fondness for sun-sung thingness,
dream-calm, dew-pure, moons away.

СОДЕРЖАНИЕ

«Не рассыпаться, — а сыпаться смело...»	4
«Осыпался вечер хандрою плакучей...»	5
«И каждый миг...»	6
«Встречать ли рассвет...»	7
«Проплывает зрачком...»	8
«Словно — в лет дугу...»	9
«Дай разлиться слову...»	10
«По кровле покатится...»	11
Бессонница	12
«В мрази — бабочкино крыло...»	13
«Скок! — под фонарь, затаивши рыданье...»	15
«Этот город, судьбой...»	16
«Полдневною талою дремою сыт...»	17
«Обращущий душу...»	18
«Вот туда, вот туда...»	19
«Край заклебывающихся шпал и зданий...»	20
«Будущего зарница...»	22
Повесть	23
Жар	25
«Грозой наполняться душевным оврагам...»	26
«Гольтьбою весны...»	28
«Если б я с вами веками равнялась...»	29
«Несущественная разница...»	30

«Лишь веками моими...»	31
«Я в миру умоюсь...»	32
Наговор	33
Нить.....	34
«Я прошу бытия у Творца...»	36
«Исподом кож...».....	37
Канат.....	38
Напутствие	39
Отрывок	41
Определения.....	42
«Не склонялся, не рос...»	43
«На сорок миль, на сорок лет...».....	44
Сыскной роман.....	45
«Вести уют...»	46
Орех.....	48
«Что же ты хочешь...».....	49
«Ты ждал ее...»	50
Слеза.....	51
Народное 1	52
Народное 2	53
Песенка 1	54
Песенка 2	55
«Когда я — с ума...»	56
«Корит небытием...».....	57
«В белом мраке...».....	58
Пустяк.....	59
Утро.....	60
«Зрело зерно...».....	61
Выбор.....	62
Слепая сила.....	63
 Цикл «Солнце»	
«Погляди, они возвращаются...».....	65
«Видишь ли, видишь ли...»	66
«Видишь, как солнце прячет...»	67
Когда.....	68

Из ранних тетрадей

«А будет вечность или нет...»	73
Миг	74
«Когда душа пройдет...»	75
«Счастье обманчиво-гибло...»	76
«Привыкая к запахам бывшего...»	77
«В темной дали китайского дня...»	78
«Твое лицо, запыленное временем...»	79
Лампа	80
«Два человека знало...»	81

(Полу)шуточные стихи

Днесь	83
«Слепое счастье жил...»	84
Роза	85
«Есть повод...»	86
Сад	87
Эпиграмма	88
«Хошь, верь — хошь, не верь...»	89

Приложение. Английские стихи

Rock	93
«Stone words...»	95
«Lines shouldering pared words...»	96
«Naked leaves sifted nightly...»	97
«Watch the bristling hills...»	98
«Sycamore and oak...»	99
«Pressed in her hand, pebbles...»	100
«This highly unstable love...»	101
«Count line against poise...»	103
«Perched between Pities...»	104
«The shape of comfort?...»	105

Сборник стихов Нины Косман «Перебой» содержит как ранние стихи (написанные в конце семидесятых годов), так и позднейшие. Стихи отличаются резкостью переходов от лирической плавности к прерывистой и ударной инструментровке. Героиня стихов Нины Косман ставит себе целью максимальное поэтическое самораскрытие; внутренний мир отображен без тени жеманности, томности.

Рисунки Н. Косман по своей эмоциональной интенсивности и сюрреалистической обработке соответствуют духу ее стихов.

В приложении дана небольшая подборка английских стихов Косман.

Н и н а К о с м а н

ПЕРЕБОИ

Стихотворения

Редактор С. М и т ю ш и н а

Технический редактор Л. К о в н а ц к а я

Корректоры

Н. З а м я т и н а, Т. С и д о р о в а

Сдано в набор 16.07.90. Подписано к печати 31.08.90.

Формат 70×100 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Тип Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,54. Усл. кр.-отт. 4,86.

Уч.-изд. л. 2,37. Тираж 5000 экз.

Заказ № 8125. Цена (1—50).

Набрано на ПЭВМ в ордена Трудового Красного Знамени издательстве «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Московская типография № 4 Госкомпечати СССР. 129041, Москва, Б. Переяславская ул., 46.